

Бабка только что вернулась с рынка, затащила на пятый этаж увесистую сумку. Тяжко поедая воздух, проволочилась на кухню, бухнув незатейливое богатство на стол.

Комнату прошивает ветвисто-матовое октябрьское солнце. Шелестит послеобеденная тишина...

Потроша сумку, бабка сообщает, что на рынке повстречалась со священником, поведала обо мне и что если я сейчас отыщу его, возможно, он мне в чем и подсобит (с монастырем, например). Заправлен он в черную рясу, на груди — деревянный ящичек для пожертвований, продает свечи. В общем, разгляжу я его быстро.

Удивившись неожиданной заботе родственницы, вползаю в мешковатую осеннюю куртку. Спускаюсь во двор. «Что же

она нашептала ему обо мне, интересно?»

Погода стоит необыкновенная: ни ветра, ни дождя, тепло и сухо. Еще достаточно зелени над головой.

Немного побродив по рынку, метрах в пятидесяти от себя высматриваю из толпы фигуру священнослужителя. Напротив — немолодая женщина, наклон тел смахивает на диалог. Обожду пока, не хотелось бы откровенничать на чужих глазах. Вот только ряса не черного, а темно-коричневого цвета... Не он? Да нет, не думаю. Другого священника я здесь не вижу, к тому же у бабки настолько жалкое зрение, что сердобольная легко могла принять темно-коричневый за черный. Они, в общем-то, похожи.

Перешагивая стеснение, подхожу.

— Добрый день. С вами обо мне сегодня разговаривала моя бабушка...

— Какая бабушка?

— Как какая... Вы разве не помните?

— Ко мне за день знаешь сколько людей обращается, поди запомни всех.

Вот тебе на, нормально. Он даже не помнит. Я чувствую себя как человек, которого однажды вытянули из мрака и тут же забыли. Будто его и не было вовсе.

— На ней был белый платок и такие круглые очки, — объясняю руками. — Не вспомнили?

— Да, вроде бы подходила такая.

— Мы можем с вами поговорить?

— Пожалуйста.

Рассказываю о себе. Он вдумчиво слушает. И я не могу понять, то ли он старается припомнить сказанное, то ли все, что я произношу, отзыва-

ется ново. Неужели так быстро забыл? А может, не особенно слушал говорившую, вежливо кивал из того же чувства любезности? Бог с ним, теперь это уже неважно. Я здесь и способен все выяснить напрямую. Мне хочется наконец выговориться.

Толкаемся по рынку. Иногда разговор подрезают страждущие, чаще женщины. Покупают свечи, иконки, роняют в нагрудный «скворечник» деньги, на котором начертано, что получаемые средства будут направлены на строительство не то Александровского, не то какого-то другого храма. Подрезал мужчина и, приобретя две свечи, поинтересовался у батюшки, не откажет ли тот в милости поставить их в церкви — совсем нет времени, спешит в командировку. Хорошо, отвечает батюшка, поставлю. Обрадованный загружает в ящичек еще пару купюр.

Рыночное скитание перетекает в разговор о религии. Отец Игорь, как он себя представляет, неторопливо отвечает на занимающие меня вопросы, не читает нравоучений, мастера речь дружески и вовлекая в уютный диалог. Я незаметно обволакиваю его ненавязчивым обаянием, пока не оглядываю его.

Не больше сорока, чахлая, словно вычищенная пинцетом бородка, такое же чахлое, вмурованное в несвежую ткань телосложение, выпал передний зуб, полы рясы грязные. Прихрамывая, опирается на гнутую, как будто отломанную от ближайшего дерева палку. Видя, как на нас озираются прохожие, я ощущаю пренебрежение. Мне неприятно быть рядом. Вид у него, конечно... Хоть бы никто не застал из знакомых и родственников.

Перебрались на литературу, историю... А все-таки он

интересный человек, первый, с кем я могу говорить на подобные темы. И первый, кто меня действительно слышит. Я понемногу отвлекаюсь от окружающей жизни, от надоедающих мыслей, от себя.

— А с монастырем сложно, — поясняет он. — Там нужен блат.

— Блат? Вы серьезно? Чтобы попасть в монастырь, нужен блат? — Меня как будто вырубил прикладом. Блат в святых местах? Что за ерунда...

— Сейчас в монастырь попасть непросто. Только через нужные знакомства.

— Но постойте, это же не университет и не фирма, где место себе можно «купить»... — Я до сих пор в беспамятстве.

— В Энском так. Но попробуй, конечно, съезди туда, выясни.

Вот вам и здрасте приехали. Замечательно! Спасибо, бабушка! А говорила: сходи, подсобит... И что мне теперь делать? Все же уходить мне не хочется, он человек толковый, даст бог, что-нибудь подскажет.

Стрелки подтягиваются к пяти. Уже примерно часа полтора мы кружим по рынку, сбывая незамысловатый товар. История моя его ничем не удивила, похлопал по спине, промироточив, что все у меня наладится, ничего страшного. Бог поможет.

— На сегодня, наверное, все, народу уже мало. Маленько собрали — и хорошо, — подводит он, больше обращаясь к себе. — Слушай, а пойдем ко мне домой, там и пообщаемся толком.

— Пойдемте, — отвечаю я.

Скажи мне сейчас отец Игорь: «А поехали на Камчатку?» — я б и мгновения не колебался. На Камчатку так на Камчатку! Хоть на Новую Землю. Мне все равно, лишь бы я где-то и кому-то был нужен.

Двигаемся по одной из главных улиц города. Дорога укладывается минут в сорок, прошаркиваясь под ногами неспешно, в несмолкающей беседе.

По правую руку вырастает детский сад — ядовитого свекольного цвета. Чуть дальше — небольшой желтый дом, сверкающий стеклянными глазами магазина.

— Подожди минутку, надо кое-что взять, — проговаривает спутник и заползает внутрь.

Быстро воскреснув, разворачивает направление, затягивая меня в небольшой двор.

Допотопное двухэтажное здание. По деревянным ступеням прокрадываемся вверх.

После утомительной дроби дверь нерешительно дернулась, и из темноты вылепилась полная, громыхая одышкой, зарытая в белое растрепанная женщина.

— Привет, мама. Сегодня подработал немного.

Старуха молча проваливается в крайнюю комнату.

Располагаемся на кухне. Святой отец заваривает чай, споласкивает две кружки и устанавливает на край стола пепельницу, предлагая мне, если я курю, курить. Хм, еще и курить можно? Необычно. Хоть и странно немного.

Квартира убедительно запущена, повсюду цветет беспорядок и бедность. Но, собственно, мне сверять не с чем, я впервые в гостях у священника.

На стол водружается бутылка «Атамана».

Бухло? Священники пьют это чертово пойло? Как обычные синяки? Так вот для чего он мызгался в тот дом... Офигеть! Вот денек-то выдался! Я даже не знаю, как реагировать.

Мужчина деловито наплескивает по полпосудины, присаживается... и зажевывает теплый

раствор коркой черного, на-
струганного под закуску хлеба.
Морщась, проглатываю корич-
невую влагу. Оставшуюся же
часть заточения тяну лишь чай:
негаданный друг единолично
приговаривает «казачий напи-
ток». Вот тебе и священник, мало
того, что пьющий, еще и жад-
ный. В одного шаркает.

Протискиваемся в крохотную,
раздавленную двумя полками
книг, кроватью, стулом и тре-
скачим обколупанным полом
комнату, заплеванную тряпьем.
Примостив больную ногу, хозяин
неуклюже опрокидывается на взъ-
ерошенное ложе. По движениям
видно — захмелел.

Выдергивает откуда-то семей-
ный альбом. В руках кувырকা-
ются полумертвые фотографии:
отец, дед, Игорь — в нарядах
священников... учеба в семи-
нарии... юное лицо... церкви...
соборы...

...Через слова начинает буре-
ломиться мат. И тут посыпались
открытия за открытиями.

— Сейчас одну бабу шоркаю.

— В смысле?

— Трахаю бабу. Бывает здесь. — Ты
Он ударяет рукой по дивану. — Ты

не смотри, что я хромой, жен-
щина у меня немерено было.

— Так это же, нельзя... — Я аб-
солютно оглушен. Раздавлен, как
комната.

— Ну а что поделатъ, я тоже
человек. Обычный грешный
человек.

Охренеть! Я уже ничего не
понимаю. И вино, и этот тем-
но-коричневый обман, сигареты,
бабы...

У всех пьяных язык распле-
тается скоро, и тут я узнаю, что
никакой он не священник, что
давно разжалован в щепки, что те
деньги, которые он собирает на
храм...

— Ты в карты играешь? — Он
выгружает обойму (еще раз
по голове) порнографических
карт. — У меня где-то запрятана
вторая колода, хочешь, подарю? —
Рыскает под матрасом... — Потом
поищу.

Неряшливо перебирает све-
женькую пачку. Сдает.

— Забегай ко мне в любое время.
Как тебе телки на картах?

— Нормально, — давлю из себя.

— Если хочешь (еще раз по голо-
ве), можешь подрочить на них.

— Нет, спасибо.

Чуть правее меня, развалившись
над рядом других книг, элегантно
лоснится разомлевшая «библия
секса», с еще более «неопрятны-
ми» картинками. «Подарок знако-
мой дамы», — бросает алкоголик.

Ляпнув что-то несуразное, я вы-
валился прочь. За весь период
старуха так ни разу и не высуну-
лась из комнаты.

Какой странный человек. А эта
фраза его насчет «подзаработал
сегодня»? Теперь понятно, на
что.

Ледяная досада скрутила мне
глотку, едва я выбрался на улицу.
Блин, какого хрена мне так везет!

В мыслях заскользила страш-
ная суета. Что мне сейчас делать:
идти к бабке и объяснять, что ее
горе-священник попросту смыл-
ся, а мне подвернулся какой-то
урод? И заполучить в ответ: «Не
может быть, ты плохо искал или
слишком долго шел». Черт с ним.
Случай, конечно... Может, попы-
тать счастье еще? Что я те-
ряю в конце концов? Давай попро-
буем.

И я спасительным шагом вы-
стреливаю в сторону храма в наде-
жде хоть там обнаружить живую
душу...

г. Челябинск

